

Лодка Саныча

Рассказ

Саныча к нам, первокурсникам Литинститута, подселили вечером, всего через полчаса, как третья койка в комнате освободилась. Так подкидывают надоевший хлам, о который устали спотыкаться.

Он вошёл после короткого стука с угрюмой усмешкой и, покачиваясь взад-вперёд, пробурчал невнятное приветствие. Из-за его спины маячило озабоченное лицо коменданта общежития. Тот внушительно кивал, подтверждая легальность данного вселения, а затем, не переступив порога, поспешно удалился. Саныч медленно дошагал до своего нового места и, задев тумбочку, подставил к ней потрёпанный жизнью чемодан.

– Я на две ночи, – то ли пригрозил, то ли успокоил он сиплым голосом. Уже неважно – до конца сессии нам оставалось всего два дня. Не дождавшись ответа, Саныч принялся напевать какой-то неведомый нам, но смутно напоминавший о блатной романтике мотив.

Мы с соседом Геной переглянулись, осознавая, что влипли. За неполную неделю своего пребывания в общежитии Саныч менял уже третью комнату. В Москву он якобы приехал по важным делам, но за всё прошедшее время дальше крыльца никуда не выходил и ни разу не брился, так что щетина на впалых щеках торчала иглами седого дикобраза. Мутным бледно-серым взглядом он с вызовом впивался то в одного, то в другого собеседника. Успев разменять седьмой десяток, на каждое несогласие непременно вскидывался в боксёрскую стойку. Это могло произойти в коридоре, за столом в комнате или у плиты общей кухни. Доносился неизменный боевой хрип: «Кто на меня?» Правда, эта его стойка была дырявой и едва ли могла защитить от прицельных ударов, если бы кто-то всерьёз решил их нанести.

Однако до драки так до сих пор и не дошло. Тщедушные мальчишки от прямых конфликтов ускользали, а крепкие мужики успокаивали друг друга и аккуратно, с уговорами отводили Саныча в сторону. Боевой хрип прекращался, Саныч позволял угостить себя, чтобы затем, уже «на свои», продолжить ожесточённо напиваться. Среди ночи входил в комнату и, в темноте добравшись до своего места, ничком валился на койку.

Вот и настала наша с Геной очередь. Гена был старше меня и из-за угловатых очков взирал на Саныча с откровенной неприязнью, очень свойственной тем, кто в недавнем прошлом сам отличился на алкогольном фронте. Теперь у него наступил период продолжительной и, кажется, прочной завязки. А тут – будто подставили зеркало, где то и дело отражаются твои былые безобразия.

Находиться поблизости от Саныча оказалось тяжело и мне. Угар первых дней сессии, громогласное веселье встреч всех со всеми и бессонные посиделки закончились, казалось, ещё в прошлую историческую эпоху. Они сменились азартом сдачи экзаменов с крайне избирательными познаниями в каждой дисциплине. Только Саныч, как игрок, выпущенный в важнейшем матче на замену, не думал останавливаться. Гнул свою линию. И каждый раз при мысли о нём во мне пробуждалась широкая палитра чувств – от непонятого уважения до брезгливой жалости.

– И надо было Ромкиной маме сейчас заболеть!?! – сокрушались мы о спешном отъезде нашего третьего соседа-однокурсника. Вспоминали, как весь вечер после вселения нам с Геной и Ромкой пришлось заниматься сбором и выносом мусора из всех углов комнаты. Как шуршал целлофан, трещали грязные картонки, пованивало тухлятиной. По слухам, до нас здесь проживали строители. Когда всё окончательно вынесли и вымели, остались чистота, простор и прохлада. Но вот вселили Саныча, и появилось стойкое ощущение, что весь тот мусор закинули к нам обратно.

С девушками Саныч заговаривал охотнее и в свою фирменную стойку при них обычно не вставал. Напротив, он оправлял свитер с неясным уже рисунком и наставительным голосом сообщал, что начал писать, когда никто из нас ещё не родился. Его творческий путь был ознаменован двумя тонкими книжками в мягких потрёпанных обложках, вышедшими в незапамятные для молодёжи годы. Никто, даже самые дотошные книжные черви, никогда о них не слышали. Однако он предъявлял ветхие экземпляры с видимой гордостью, чем нередко наводил даже большее смятение, нежели своими боксёрскими замашками.

Поздним вечером одноклассница Таня, вцепившись в меня на лестничной клетке, возбуждённо зашептала очень тонким голосом прямо в ухо, что всё, чего этот бич достиг в жизни, – пшик. Ни-семьи-ни-детей-ни-нормальных-друзей-только-собутыльники-ни-человеческого-жилья-только-комнатёнка-в-коммуналке-ни-постоянной-работы-две-никчёмные-никому-не-нужные-книжонки-весь-итог. «Он к тебе приставал?» – спросил я. Таня резко замотала головой и продолжила: «Всё, я решила – не буду больше писать, — она захлёбывалась от подступавших к горлу слёз. – Случайно сюда попала, правда, случайно, мне казалось – столичный вуз, интересные люди, будущее... Я же медсестра, насмотрелась на больных, новорождённых. Иногда они умирают, как ни спасай, что ни вводи. Об этом и написала, а тут... Так может закончить каждый!»

Я стеснительно и неуклюже пытался её успокоить. Но дело было не во мне. Таня резко отмахнулась и, спотыкаясь о ступеньки, убежала в комнату. Через полгода она приехала на сессию ещё раз, забрала документы и больше сюда не возвращалась.

Мы сдавали экзамены и важный зачёт из последних голодных сил. Головы пылали от напряжения, а я всё лучше понимал героя Гамсуна из недавно прочитанного романа. Лишний половник супа или кусочек поджарки в столовой казались спасением. Ради этого стоило соорудить перед поварихой самый жалобный вид. Она напускала на себя строгость, но самых горемык всегда жалела и подкладывала добавку.

Субботнее утро. Почти все наши уже разъехались. Ни Гены, ни Тани, ни остальных. Блаженная тишина и пустота внутри и снаружи. Полная счастливая обессиленность, как у марафонского бегуна после финиша. Оставалось собрать вещи, заварить себе растворимой лапши, позавтракать, сообщить об отъезде и отправиться в путь. А ещё – купить подарок маме.

Когда я встал, Саныча на его койке не было. Прошёл по пустому коридору, умылся, настраивая себя на сегодняшние заботы. От родительского надзора я отказался категорически, сам собирался и ездил между городами, но пока это было в диковинку.

Вернулся в комнату – Саныча не было. Может, это и хорошо – не придётся прощаться с натужным сожалением. У меня оставались последние пятьсот рублей, в обрез на скромный подарок маме и на дорогу. И ещё картонная карточка с одной поездкой в метро.

Я точно помнил, в каком кармане куртки лежала сложенная купюра, и решил перепрятать её удобнее. Засунул руку и вдруг понял, что денег там нет. Почувствовав выступившую испарину, вывернул карман наизнанку, расправил каждую складочку и прощупал подкладку – ничего. Проверил другие карманы – пусто.

В отчаянии осел на койку. Так... Гена уезжал вчера одним из первых, я его провожал. У других не было возможности тут долго рыскать. ...А Саныч оставался тут всё время, и ему, конечно, пона-

добились деньги на опохмел. Больше никому. Значит, ко всему прочему, он ещё и вор?.. Вор, способный взять последнее? Непереносимо. Его надо найти. И что сказать после такого позора человеку, который годится тебе едва ли не в прадеды? Зачем он до сих пор живёт? За этим вот? Козёл старый!

Я выскочил на поиски, даже не заперев комнату, и заметался по этажам. Людей в этот час встречалось мало, и никто не мог ответить ничего вразумительного. Коменданта я сегодня вряд ли найду. Милиция?.. Мобильные были тогда редкостью, однако мог пригодиться бесплатный городской телефон двумя этажами выше. А что им сказать? На кого заявлять? Я вдруг осознал, что не знаю ни фамилии, ни даже имени своего соседа, только отчество. Всё снова упиралось в коменданта – он должен знать.

Обежав всю общажную Ойкумену, я, задыхаясь, встал между этажами. Поглазев на металлические сетки с застывшими каплями краски, натянутые в пролёте, уныло побрёл к себе. Плотная затворённая дверь оказалась приоткрыта.

На единственном в комнате шатком стуле возле стола боком сидел Саньч и отхлёбывал кофе из металлической кружки. Я внимательно на него посмотрел. В холодном оконном свете он был не похож на привычного себя – выбритый, трезвый, в опрятной одежде.

– Здравсьте, – смущённо пробормотал я.

– Проходи, – сказал он.

Я прошёл.

– Присаживайся.

Я присел на тонкую подстилку поверх ржавой сетки опустевшей койки.

– Ты знаешь, что он не утонул? – вопрос прозвучал как на экзамене.

– Кто?

– Сеня Курилов.

Я отрицательно мотнул головой, в которой с трудом сложились вместе фамилия знаменитого драматурга и столь фамильярная форма его имени.

– Тогда слушай. Я был с ним на озере. В той самой лодке. Сеня всегда был самый компанейский. Совсем не красавец, с виду – вылитый бурят. Но все бабы с ума от него сходили. Я был старше, у меня раньше вышла книга. Иногда похлопывал так вот Сеню по плечу и чему-то учил. А его настоящая слава ещё стояла на пороге.

Я попробовал вообразить их – молодых, переполненных неистощимой силой и бесконечным будущим.

– У нас на двоих была лодка. Ничего почти не было, а лодка была. Больше моя, но мотор покупал Сеня. Решили половить хариуса и раздобыть вина. Спустились к берегу, закинули снасти, столкнули на воду. Только рыбалка не задалась – штук пять рыбёшек. Обрато Сеня сел на руль, а я вперёд смотрел с носа. Надо было наоборот, не прощу себе, что не настоял. Но так ему хотелось самому поручить в своей штормовке и в широких мореманских ботинках. А ветерок казался лёгким, волны не было. Он посмотрел вот так в глаза и спросил: «Тебе что – жалко?» Я махнул – заводи. Так и полетели по воде на резвом моторе. Красотища кругом. Тут Сеня окликнул меня, попросил закурить. Повернулся, достаю пачку и сразу – удар, я в воде барахтаюсь, лодка перевернутая рядом. Хватаюсь за неё, она из рук рвётся. На топляк налетели, как бы я со спины разглядел? Вижу, Сеня плывёт к берегу. Он одет легче, ору ему: «Сеня, плыви, плыви!» Сам вцепился в лодку намертво, одежды на мне много, до берега точно не дотяну. А там – люди видят нас. У меня ноги светло, руки как клешни растопырил. Сеня всё тяжелее плывёт, но до мелкой воды близко. Вот он встал на ноги, приподнялся над водой и – всё...

– Так, значит, утонул? – негромко спросил я.

Он резко мотнул головой, смерил меня взглядом. Для Саньча было важно, что его товарищ не утонул, не захлебнулся, не проиграл волнам или дистанции. Он как будто снова встал в эту свою нелепую защитную стойку. Не поднимая рук, внутри себя.

– Нет. Потом сказали, сердце остановилось. Перепада температуры не выдержало. Когда вытащили, лицо было совсем синее. Так не взаправду, что не верилось. Думал, его обязательно откачают и сам он за жизнь ухватится. Он мне снился потом – синим лицом улыбается широко во весь рот. Жутко. Совсем скоро его пьесы прогремели. Писали, что он гений, молодой и ранний. А у меня – всё кувырком. Он плыл в нашей... в моей лодке, столько всего хотел успеть. И вот – сплыл куда-то, на небо наверно... А я, бездарь, остался. Уцепился за край и не отпустил, пока не дождался помощи. Многие пеняли мне за это, я их не виню.

Он шумно отхлебнул кофе и замолчал. А я вдруг почувствовал, как жёсткий каркас койки больно впивается в меня, но не пошевелился.

– Так и живу, – произнёс он, глядя повыше моей головы. – Нет, не как эту неделю. Я тоже писал, упорствовал, часами, ночами. Только редко когда что-то удавалось по-настоящему. Он был моложе, но как будто всё наоборот, и ты с ребячьими силёнками должен продолжить работу здорового мужика. Вырулить до берега. Вот, например...

И, не глядя на меня, он прочитал одно стихотворение – сокровенную боль за внешней бравадой. Настоящее. Но, может быть, мне это показалось именно там и тогда. Память не удержала ни строчки.

– Это ваше? – робко спросил я.

– Ага, – рассеянно кивнул он.

– От души.

– Наверно, так. А знаешь, почему *перо* у писателей и у блатарей звучит одинаково?

Ещё один вопрос с экзамена по неизвестной мне дисциплине. Я не знал.

– Потому что перо, твоё или моё, тоже должно колоть в самое сердце.

Я не мог понять, почему он подвёл к этой странной морали?

– Ну, пойду я, пацан. Собирайся в свою дорогу. А сегодня и правда дела.

Он встал, накинул своё потёртое пальто, как-то необычайно легко подхватил собранный чемодан и вышел.

Слыша из коридора его затихающие шаги, я осознавал, что так и не спросил его о пропавших деньгах и уже не смогу ни догнать, ни выспросить. Не смогу, рот не откроется, а язык не вытолкнет нужные слова. Придётся выкручиваться непонятно как.

Я встал и принялся укладывать вещи, думая совсем не о вещах и не о предстоящей дороге. И собрал почти всё, когда сложенная вчетверо купюра вдруг нашлась во внутреннем кармане дорожной сумки. Я сел, ошеломлённый чудом. До сих пор не могу припомнить, когда именно туда её положил.

Только мы двое

Рассказ

Вечером от прогретой майским солнцем земли, чуть подрагивая, поднимался лёгкий пар. Филин присел на сложенные в штабель кирпичи, укрытые толем, и нежился в закатных лучах, чуть обдуваемый свежим ветерком. Только теперь, расслабленно свесив ноги и задумчиво почёсывая зудящую подмышку, он окончательно укреплялся в мысли, что ему удалось-таки пережить зиму. Эта мысль оказалась такой необъятной и непривычно радостной, что её трудно было уместить в голове.

А потом он заметил этих двоих. В тени у подъезда они коротко переговаривались и явно кого-то поджидали. Попробовал припомнить, видел ли он их за каким-нибудь делом в другой одежде, но не смог. Наверно, память его подводила. Они на Филина не взглянули, да и какое им могло быть до него дело?

Он посидел ещё, потом осторожно спустился со штабеля и, чуть припадая на левую сторону, доковылял до крайнего бака, на котором ржавчина проступала сквозь облупившуюся краску. По вечерам оттуда всегда можно было выбрать несколько неразбитых бутылок, если же повезёт, иногда попадались и более ценные штуки.

А потом в переулке появилась она. В её походке было что-то от школьницы, которую неожиданно отпустили с продлёнки. Она двигалась плавно и невесомо, и от этого казалась намного моложе своих лет. Вот её он точно здесь не видел.

Проходя мимо мусорных контейнеров, она скользнула по нему взглядом. Тень неловкости за себя мелькнула в обветренной Филиновой душе. Но, замерев на секунду, он поспешно нагнулся, отодвигая к самому краю сучковатую доску.

– Э-эй, шмаруха, а ну стой...

Услышав и поняв, что в пустом переулке этот странный оклик может относиться только к ней, женщина не кинулась бежать, как попытались бы другие, даже не ускорила шаг. Она резко, но не торопливо развернулась, как будто встречая судьбу, и приготовилась бороться, пока не оставят силы.

Двое приближались. Поняв, что догонять её не придётся, они переглянулись и пошли медленнее, почти вразвалку. Женщина смогла их рассмотреть: один – долговязый и тощий, в потрёпанной кожаной куртке, другой – приземистый, налитой, в трениках и низко надвинутой бейсболке. Похож на бывшего спортсмена, только с округлым брюшком. Вместе эти двое напоминали комическую пару. В других обстоятельствах она едва ли удержалась бы от улыбки. Но не сейчас, когда вокруг никого.

Тощий нарочно отстал на шаг и сместился к правому краю щербатого асфальта. Треник заходил чуть слева, с ухмылкой обнажая скол на переднем зубе и протягивая руку:

– Гони сюда...

Женщина замерла, а потом ударила на выдохе с коротким замахом. Кажется, так её учили когда-то в юношеской секции самообороны. И теперь она отбивалась: сумкой, кулаком, ногой, целясь между ног. Стремительно, как на перемотке, в памяти пронёсся тот давний – между школой и институтом – случай в лесопосадке, когда она со всей яростной дури отходила несостоявшегося насильника сорванными трусами по его ошалевшей морде. И он вдруг опомнился, с покрасневшим лицом бормоча свои нелепые извинения, помог ей собраться, отряхнул накидку, подал стопку учебников с налипшей грязью на обложках и даже смущённо проводил через пустырь до освещённой улицы.

Но эти двое были настроены серьёзно, их со следа не собьёшь. Сосредоточенно сопя, её стукнули по голове, так что перед глазами запульсировали розовые пятна. Сумку резко дёрнули из рук, и оттуда всё посыпалось и зазвенело. Она решила толкнуть одного – легче будет того тощего, чтобы он помешал другому, и сразу во весь дух устремиться до поворота, а там уже люди, освещение, магазины. Там её увидят и спасут. Она отступила на шаг, чтобы оттолкнуться, и вдруг услышала, как каблук подламывается, и поняла, что нога предательски скользит, и никто уже не даст ей подняться, и теперь навсегда только эти двое, и заорала во весь голос. Что-то острое и неотвратимое тускло блеснуло у тощего в руке. Сзади оглушающим эхом завопила сигнализация дряхлой иномарки.

– Завали хлебало, сука, – прошипел треник, размахиваясь, чтобы выключить наконец эту бешеную бабу.

И тут же сбоку раздался треск. Сучковатая доска переломилась от удара. Долговязый нелепо проплясал несколько шагов и неподвижно рухнул рядом с женщиной лицом вниз. Его напарник отпрянул, закрываясь руками.

– Ты чё, бомжара? – сипло выкрикнул он, но за свирепым нахрапом сквозанул страх. Треник вдруг остался один, а тот, кого он считал никчёмным отбросом, не стоящим внимания, стоял напротив, решительно сжимая щепастый обломок доски.

– Отвали от неё, – глухо проговорил Филин.

– Подруга твоя, что ли? Ну, тогда извини. Братана заберу только?..

Филин отступил на шаг в сторону, пропуская, и в этот момент противник сорвал с головы бейсболку и швырнул ему в лицо. Тут же схватил за грудки и резким толчком повалил в грязь. Доска отлетела в сторону. Они пихали друг друга короткими тычками. Грабитель в трениках брал весом и уже оседлал нежданного заступника.

Женщина высвободилась из туфлей. Немедля бежать, спастись, пользуясь спасительной передышкой. Туда, туда, на освещённую улицу, где всё привычно и надёжно, к дому с уютной квартирой. А они пусть разбираются сами.

Филин, оглушённый ударами, с прижатой к асфальту рукой, ворочался снизу. Влекомый какой-то беспощадной силой, он с угрюмой решимостью рванул с места – и вписался во всё это. Дублёная кожа уже не спасала. Он оттолкнулся ногой, пытаясь вылезти, выскользнуть, но вдруг почувствовал, что удары стихли и на нём никого уже нет. Затихшая было сирена иномарки снова истошно взвыла.

– Очнись, очнись уже, – Филина трясли за рукав.

– Эй, вы там! Менты щас приедут, – раздался голос. Мужик в нелепом плаще поверх трусов и майки с лопатой наперевес топал от подъезда к верещавшей машине: – Кто мою пташку тронет, капец тому!

Филин перевернулся на четвереньки, встал и хромающей трусцой побежал, скрываясь за гаражами. Метров через двести он обнаружил, что женщина, спотыкаясь и тоже прихрамывая, спешила следом за ним. Он остановился:

– Куда? Иди назад. Приедут, заодно и этих повяжут.

– Я не пойду, – она замотала головой.

Филин потёр ушибленное плечо:

– Ладно. Берложка у меня тут недалеко.

Они сидели под навесом и слушали, как накрапывает дождь. Женщина убежала босиком. Филин достал из нычки облезлый кусок овчины и подложил ей под ноги. Расстелил самую чистую клеёнку, но неистребимая вонь шла и от неё. Разжёл костерок из щепок и разломанного реечного ящика, потом ещё раз взгляделся в её лицо, обрамлённое растрёпанными светлыми волосами, будто проверяя смутную догадку.

– Ты в какой школе училась?

– В одиннадцатой...

– Ага. Тебя, что ли, Люда звали?

Она кивнула.

– Вспомнил. Ты старостой была. А я ушёл после девятого.

– Коля?.. – спросила она, испуганно всматриваясь в незнакомое лицо цвета запылённого кирпича, и тут же поправилась: – Нет. Лёша?..

– Был Лёша. Теперь меня Филином зовут.

Люда его почти не помнила и назвала наугад. Сколько лет-то прошло? Почти тридцать...

– Чего одна шла?

– Так...

...Муж передумал встречать её с корпоратива. «Ты ведь сама дойдёшь?» – спросил как будто между делом. «Легко», – сказала. В самом деле, устал или не мог оторваться от компьютерной стрельки. Будет совсем неудивительно, если он не заметит, что она не вернулась домой. И она вышла, ни с кем не попрощавшись, и поехала, но в троллейбусе тесно и душно, а так нестерпимо хотелось простора и ветра. Хотя какой простор в городе? Ну, хоть немного. Поэтому она нарочно сошла на одну остановку раньше. Не перепутала, нет. После шампанского было так легко идти, будто земли вовсе не касаешься. А потом эти двое...

– Задала ты им, – усмехнулся Филин.

– Ты тоже. Этого они совсем не ждали.

Филин со значением кивнул.

– Я один тут. Мало общаюсь. У меня сын был... есть. Тихий рос, послушный. А как во взрослую жизнь вышел, навешали ему ушлые дядьки лапши до самого пола. Что очень он толковый и будет у него через них свой бизнес. Он и поверил, пошиковал недолго, и остался в долгах, как рыба в сетке. Раз звонят в дверь и заходят три амбала. Как домой к себе, ничего не говоря. Главный закурил, а двое выносят от нас телевизор, холодильник и что там было. «Это на первый раз, – только и сказали, – скоро навестим ещё». Жена молчит. Сынок в стенку вжался перепуганный... Но я-то! Когда входили бандюки, сразу понял, что с ними и с тем, сколько сын им должен, мне не совладать. Не справился. Проблеял что-то невнятно и дверь за ними прикрыл. Эти двое, которые сегодня, шпана рядом с теми. Как же стыдно было, что ничего... А ведь думал о себе. Лучше думал.

Сына срочно прятать пришлось, отправлять далеко и нарочно слух пустить, мол погиб сдуру... Перевирали потом по-всякому. Утоп, сгорел, разбился. И мы с женой горюем по нему. А я так в роль свою вошёл, так запил, что и, правда, ушёл в штопор надолго. И вот присела жена как-то возле меня, ругаться устала, глядела-глядела да и залила душу целым стаканом. А на ноге у неё была родинка с полкопейки, так она её взяла и скovyрнула. И не спасли потом. Деньги ушли на

сына, часть долга погасить, а его упрятать понадежнее. Да ещё похороны – и не стало квартиры. Вот так весело всё.

Он пошевеливал узловатой палкой тлеющие угли, украдкой потирая места ушибов.

– Как же ты? – прошептала Люда. – И в больницу не пойдёшь?

– Кто меня там приветит? Не впервой. Заживёт, как на собаке.

– А эти? Будут тебя искать?

– Да ну. Кому я такой нужен...

– Кому-то же... – растерянно прошептала Люда, и совсем тихо: – Мне...

Он замолчал, переживая что-то внутри. Встал:

– Не надо этого...

И шагнул наружу, подставив лицо под дождь, отмываясь от всех этих месяцев.

– Надо...

Капли мерно барабанили по навесу.

Она прикрывала глаза и слушала. Затем положила его руку себе на колени.

– А у тебя там кто-то есть? – глухо спросил Лёша.

Люда подумала и сказала:

– Нет, наверно. Дочь давно выросла. А кошка меня любит меньше, чем его.

Она улыбнулась и утомлённо прикрыла глаза. Он крепко сжал её руку.

...Вот всё и решилось. Люда осталась с ним. До утра. Потом до вечера и дальше.

Удивительно, что никто её не искал. Окончательно осознав, что их ничего не держит, они выбрали день и вместе отправились в другой город. Вышли рано утром, сделав небольшой крюк – напоследок Люда решила посмотреть на окна бывшей своей квартиры на третьем этаже. Стояла и вглядывалась. Кошка мелькнула рыжим пятном на подоконнике. Белые цветки герани вздрагивали на сквозняке. Мужа она так и не увидела...

Она прикрывала глаза и слушала стихающий перестук дождя. Как это близко от нормального жилья и всё же будто в другой галактике. Филин глотнул огненной воды, чтобы тело отвлеклось от боли. И вскоре бессильно обмяк. Что-то привычно важное выдернули у него из-под ног, и теперь он всё падал и падал, сначала кружась, как сухой лист, а потом тяжелея, прошибая самим собой непрочные перегородки, ударяясь, задевая какие-то невидимые ему выступы боком, плечом или коленом, раздирая кожу и ощущая только приглушённую боль...

– Что там? – сквозь сон ему почудился шорох.

– Не бойся, спи, – тихо и ласково ответила она. – Тут только мы двое.

Люда сидела над ним и с тоской смотрела в темноту. Там у неё жизнь. Которая считалась нормальной, с мужем в стрелялках, с вечно орущей кошкой и с дочкой по праздникам. Нет, не может она здесь остаться. Сбивчивым шёпотом напевала какие-то слова на мотив колыбельной, в отсветах углей глядя на его коричневое, но уже не запялённое, умытое лицо с трещинами на губах. Он дышал всё ровнее. Она наклонилась, прикрыв глаза, но тут же заставила себя открыть их. И поцеловала его в запекшиеся губы – сначала благодарно, а потом по-настоящему. Он ответил ей из глубины далёкого сна, но так и не проснулся окончательно, а, когда она подняла голову, чего-то ожидая, даже захрапел.

Стало понятно, что он отпустил её. Дождь кончился. Люда тихо поднялась и пошла босиком под свежими омытыми звёздами, медленно и благодарно.